

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОЕВОГО
КОТА МУРЗИКА

А. Н. Бегер

А. Берг

Приключения боевого кота Мурзика

<https://litres.ru/73877343>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я, Мурзик — десантник, Герой, красавец и вообще, вы ещё не слышали, как я взял ту высоту под Холодильником?

Рыжий пушистый ветеран, прошедший бои с пылесосом и диверсии с банками сгущёнки, вспоминает сто невероятных баек. Вместе с ним вы познакомитесь с ежом-сапёром, хомяком-генералом и слоном в тельняшке. Здесь война с воронами соседствует с нежностью к мышатам, а подвиги — с кошачьей мудростью.

Эта книга — гимн настоящей хвостатой дружбе, чести и чувству юмора. Держитесь за усы — Мурзик идёт в атаку!

Содержание

Глава 1. Как меня учили десантироваться без парашюта (а я учил их)	4
Глава 2. Ёж Барбекю, или первый бой с консервной банкой	9
Глава 3. Барсук-сапёр: как мы с Борей разминировали поле с клубникой	16
Глава 4. Генерал Хомяк Хрум — штабной стратег, который боялся муравьёв	24
Глава 5. Белка-снайперка Зина: попадание с двухсот метров грецким орехом	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А. Н. Берег

Приключения боевого кота Мурзика

Глава 1. Как меня учили десантироваться без парашюта (а я учил их)

— Значит так, салага. Запоминай раз и на всю жизнь, — я положил лапу на стопку учебных пособий (три мятые тетрадки и книжка «Поварёнок») и прищурил глаз.

Передо мной сидел тощий рыжий облезлый котёнок. Дрыщ. Весь в репейнике. Усы куцые. Смотрит на меня, как на генерала на параде. Правильно смотрит. Потому что я — Мурзик. Ветеран. Десантник. Герой. И если кто в этом дворе усомнится, я быстро объясню, почему моя тельняшка на вырост — это не мода, а боевое знамя.

— Дядя Мурзик, — пискнул салага, — а правда, что вы прыгали без парашюта?

— Правда, — хмыкнул я. — Но не так, как ты думаешь. Слушай внимательно.

Дело было летом. Жара стояла такая, что даже мухи лета-

ли шажками. Наш взвод особого назначения — я, ефрейтор Барсук Боря и связист крот Шурша — получили задание: взять высоту 140. По-вашему — старый дуб на пустыре за гаражом.

Дуб был неприступный. Ветки — как заграждения из колючей проволоки. А наверху, в развилке, сидел враг. Враг номер один. Враг, которого я ненавижу до сих пор куриной печенью.

Ворона. Старая. Облезлая. С оперением цвета грязной лужи. Но глаза — как два спецназовских гляделки. Умная. Опытная. Её звали Кассиопея. Она уже три года держала в страхе весь пустырь, включая бродячих псов. А главное — у неё там было гнездо. А в гнезде — краденое.

Семь блестящих фантиков от конфет «Коровка». Наши докладывали.

Мы залегли под кустом крапивы. Боря копал траншею — ну, он вообще любил копать, даже когда не надо. Шурша настраивал связь (пытался соединиться со штабом через трубу, которая вела в подвал с углём). А я смотрел вверх.

— Мурзик, — шепнул Боря, — а может, обходным? Вон через ту кучу шин?

— Не катит, — сказал я. — Шины — открытая местность. Ворона снимет нас за три взмаха крыла. Будем как голуби на параде.

— А парашютов у нас нет, — прошелестел из-под земли Шурша.

— Парашют — это для слабаков. У нас есть Мурзик. А Мурзик — это вам не какой-то там мохнатый прыщ.

Я решил идти сверху.

— Ты с ума сошёл, — сказал Боря. — Ты же кот. Коты не прыгают без парашюта. Коты падают.

— Коты падают, — согласился я. — Но десантники — приземляются. Есть разница? То-то.

Я начал карабкаться.

Первые сучки я преодолел легко, как молодая козявка. Но потом началось... Дуб, я вам скажу, был не дуб, а дубина с рогами. Сучья торчали во все стороны, будто стая дикобразов после пьяной драки. Я зацепился усом, потом вторым, потом хвостом. Повис на коре лапами.

Ворона Кассиопея свесила голову вниз.

— О, рыжий пожаловал. Пришёл фантики проигрывать?

— Я пришёл, чтобы вынести вам предупреждение от штаба, — выдавил я. — У вас там незаконное обогащение фантиками. Семь штук — это перебор.

— А ты допрыгни, — каркнула она и кинула в меня жёлудем.

Метко. Как из рогатки. Жёлудь попал мне прямо в нос. Я чихнул. Усы разъехались. И я... полетел.

Не поверите, но в тот момент я понял главную истину боевого кота: страх — это когда внизу нет земли. А у меня под хвостом была только трава в ста метрах вниз. И Боря с Шуршей, которые смотрели на меня круглыми глазами.

— Аааааа! — заорал Боря.

— Ыыыыыы! — заорал Шурша.

А я не заорал. Потому что я десантник.

— Усы в стороны! — скомандовал я сам себе. — Хвост винтом! Пузо втянуть!

И знаете, сработало.

Моё рыжее пушистое тело, которое многие назвали бы просто «колобком на диване», вдруг спланировало. Как лист. Как пух. Как нормальная такая кошачья аэродинамическая фигня. Я не упал. Я приземлился. Через три куста и кучу из-под кирпичей, но приземлился. На лапы. Глазами вперёд.

— Живой? — спросил Боря, когда пыль улеглась.

— Бывало и лучше, — сказал я, отплёвываясь травинкой.

— Но главное — я понял, как их брать.

— Как?

— Не сверху. Не снизу. А сбоку. Через соседнюю берёзу. И пока ворона будет ржать над моим полётом, я зайду с тыла.

Так мы и сделали. Через два часа я сидел в гнезде. Кассиопея улетела возмущённо каркать на помойку. Фантики были возвращены. Точнее, один я взял себе — за храбрость.

— Так, — сказал мне котёнок-салага. — А где тут парашют? Вы обещали про парашют.

— А то и есть парашют, — ответил я, почесав за ухом. — Я вам объясняю: десантироваться без парашюта — это когда ты летишь, а в голове у тебя парашют. И если там стабильно,

чисто и без паники — ты не разобьёшься. А если в голове мышь — хоть три парашюта цепляй, всё в тартарары полетишь. Понял?

— Понял, — вздохнул котёнок. — А можно я теперь вашу тельняшку понюхаю?

— Нельзя, — строго сказал я. — Потому что тельняшку сначала надо выслужить. А для этого... садись, сейчас расскажу историю про ежа Барбекю и первый бой с консервной банкой.

И мы сидели под тем самым дубом, я — ветеран, он — ещё ничей. Солнце садилось. Вороны не было. И жизнь была прекрасна, хоть и пахла крапивой и картошкой из соседнего подвала.

— А фантик покажите, — попросил котёнок.

— Покажу, — усмехнулся я. — Но сперва сам заработай.

Я закрыл глаза. Потому что где-то там, в глубине души, я знал: этот облезлый рыжий дрыщ пойдёт далеко. Может, даже до вершины того дуба. А может, и выше. Там, где летают без парашюта.

Глава 2. Ёж Барбекю, или первый бой с консервной банкой

— Вы, молодёжь, думаете, что война — это когда шумно, страшно и много героев, — сказал я, облизывая лапу после сытного обеда. — А вот и нет. Чаще всего война — это когда ты в одиночку сидишь под кустом и пытаешься понять: враг перед тобой или просто железяка.

Котёнок, которого я про себя уже называл Рыжиком (потому что имя он ещё не заработал), наострил уши. Он сидел на перевернутом ведре и грыз сухую корку хлеба, делая вид, что это стратегический паёк.

— Это вы про ту историю, где ёж банку победил? — спросил он с набитым ртом.

— Не ёж банку, а мы с ежом — коварного врага. И если ты ещё раз перебьёшь, я тебя в наряд отправлю — будешь чистить мою миску языком. Понял?

— Понял, — пискнул Рыжик.

— Тогда слушай.

Дело было осенью. Шёл второй месяц моей службы во дворе за гаражом № 7. Мы тогда только-только обжили территорию: Барсук Боря организовал штаб под старым шифером, крот Шурша прорыл три запасных хода к помойке, а я нёс дозор на заборе. Всё было чинно, благородно и даже

скучно.

Пока однажды утром я не услышал звук.

Знаете, как звучит враг? Нет. Враг не орёт, не рычит и не стреляет. Враг шуршит. Металлически. Противно. Так, будто сотня мышей решила поиграть в чечётку на крышке от кастрюли.

Я спрыгнул с забора, прижался к земле и пополз в сторону звука. Трава была холодной, но я не обращал внимания. Усы работали как локаторы. Я крался.

И вот что я увидел.

Посреди пустыря, в трёх метрах от кучи строительного мусора, стояла ОНА. Консервная банка. Красная. С оторванной этикеткой. Круглая. Злая. И... она двигалась.

— Тихо, — прошептал я сам себе. — Мурзик, это не банка. Это боевая машина. Смотри, как виляет.

Банка подпрыгивала, заваливалась на бок, каталась по кругу и издавала тот самый мерзкий шорох. Внутри кто-то был. Пленник? Раненый? Или захваченный вражеский лазутчик?

Я замер. Разведка — дело точное. Один чих, и ты труп.

— Эй, на посту! — вдруг раздалось из-за моей спины.

Я чуть не подпрыгнул до сосны. Обернулся. Прямо на меня катился... ёж.

Маленький. Колючий. С глазами как две бусины. И на морде — такое выражение, будто он только что выиграл в лотерею банку сгущёнки.

— Ты кто такой? — прошипел я. — Ты понимаешь, что ты только что выдал нашу позицию? Ты что, тихо ходить не умеешь? Ты ж ёж, у тебя иголки, они вообще шастают, как погремушки!

— А я не ходить пришёл, — ответил ёж, близоруко моргая. — Я драться. Меня Барбекю зовут. И эта банка — моя.

— Твоя? — опешил я. — Это объект потенциальной опасности. А ну назад, в кусты!

Барбекю проигнорировал приказ. Он разогнался (насколько вообще может разогнаться ёж, то есть со скоростью пьяной улитки) и врезался в банку.

Дзынь!

Банка подпрыгнула, перевернулась и замерла.

— Видал? — гордо сказал Барбекю. — Один удар — и готово.

— Она не готова, — сказал я, прислушиваясь. — Она затихла. Это хуже. Это значит, она перегруппировывается.

И точно. Банка дёрнулась. Потом ещё раз. А потом из неё... вылезламышь.

Старая, сердитая, с закрученным усом и рваным ухом. Настоящий ветеран подпольной войны.

— Вы кто такие?! — заверещаламышь. — Вы понимаете, что я там ела? Я там три часа ела засохшую кашу! А вы мне тут банку переворачиваете! Я ж теперь всё собирать по пустырю должна! Трудящаясямышь, а они — банку им, банку! Мы с Барбекю переглянулись.

— Так... это не вражеская боевая машина? — спросил ёж.

— Это моя столовая! — взвизгнула мышь. — А вы, колючий идиот, только что устроили мне голодный обморок!

Барбекю сдулся. Его иголки, которые секунду назад торчали как пики, чуть опустились.

— Я думал... ну, банка... враг... — пробормотал он.

— Ты думал? — мышь встала на задние лапы. — Ежи вообще не умеют думать! Они умеют только сворачиваться и надеяться, что их никто не заметит. Позор!

Тут я решил вмешаться. Потому что, во-первых, я десантник. Во-вторых, я умел договариваться. В-третьих, у меня самого завтрак был только через пять часов, и я сочувствовал голодному бойцу.

— Так, всем молчать, — сказал я спокойным, командным голосом. — Мышь, как тебя зовут?

— Зинаида. Но можно просто Зина.

— Зина, во-первых, извини. Барбекю, положи свои иголки и извинись. Барбекю, я сказал — извинись!

— Извини, — проворчал ёж.

— А во-вторых, — продолжил я, — банку мы тебе обратно перевернём. Кашу соберём. А сверху — добавку организуем. У меня есть знакомый воробей, он всегда знает, где крошки.

— Правда? — Зина подозрительно прищурилась.

— Я, Мурзик, когда-нибудь врал? — обиделся я. — Ладно, врал. Но не в этот раз.

Мы перевернули банку. Каша оттуда, конечно, высыпалась вперемешку с песком, но мы с ёжом аккуратно — лапами и носом — отделили съедобное от несъедобного. Зина сидела сверху на ведре и командовала:

— Этот кусок — мой. Этот — пополам. А этот, который с опилками — пусть ёж ест. Ему колючки переваривают что угодно.

— Не переваривают, — вздохнул Барбекю, но съел.

После завтрака мы сидели все трое. Зина мурлыкала (она умела мурлыкать, как котёнок — странное дело). Барбекю свернулся клубком и изредка вздыхал.

— Мурзик, — сказал он наконец. — А вы не сердитесь на меня? Я ж думал — атака. Фронт. Банка страшная. А там просто еда и мышь.

— На войне всё просто, — ответил я. — И сложно одновременно. Главное — не тыкать иголками в первый попавшийся предмет. Сначала разведай. Понюхай. Послушай. А потом уже атакуй. А если внутри мышь — лучше сразу спроси, не нужна ли помощь. Понял?

— Понял, — кивнул ёж.

— И про иголки запомни, — добавил я. — Оружие — это не колючки. Это голова. Если голова варит — и голый кот генералом станет. А если нет — то и с гранатой разведчиком не будешь.

— А вы? — спросил Рыжик, выныривая из моих воспоминаний. — А вы что сделали с этой мышью потом?

— С Зиной? — я усмехнулся. — Мы подружились. И она потом стала нашей лучшей разведчицей. Потому чтомышь, которая знает каждый подвал, каждую щель и каждую крошку — это вам не ёж с иголками. Это шпионская элита.

— А ёж?

— А ёж Барбекю стал моим заместителем по тылу. Потому что, когда нужно было проверить, не завёлся ли враг в консервной банке — он был идеальный кандидат. Он бросался на банки, даже когда они были пустые. Просто на всякий случай.

— Для остратки, — догадался Рыжик.

— Для остратки, — кивнул я. — И для общей боевой подготовки.

Я выгнул спину, потянулся и посмотрел на вечернее небо.

— Запомни, салага: враг не тот, кто внутри банки. Враг тот, кто внутри тебя. Жадность. Глупость. Трусость. А всё остальное — просто обстоятельства. И если ты это запомнишь — то, может быть, когда-нибудь станешь таким же великим котом, как я.

— Или как ёж? — с надеждой спросил Рыжик.

— Или как ёж, — вздохнул я. — Хотя нет. Как я всё-таки лучше. Но ёж — молодец. Ладно, пошли ужинать. Расскажу тебе ещё одну историю. Про генерала Хомяка Хрума.

— А он храбрый?

— Он... он боялся муравьёв. Но это не важно. Важно другое. Важно то, что даже хомяк может быть генералом, если

рядом есть правильный кот.

И мы пошли. Потому что солнце садилось, животы урчали, и где-то там, в темноте, ждали свои истории. Сто девяносто восемь штук. Целый арсенал.

Глава 3. Барсук-сапёр: как мы с Борей разминировали поле с клубникой

— Салага, запомни главное правило сапёра, — сказал я, поднимая лапу с назидательным видом. — Сапёр ошибается один раз. Но если сапёр — барсук, то он ошибается один раз за ужином, второй раз за обедом, третий раз на разминировании, а потом ещё четыре раза, просто потому что ему скучно.

Рыжик, который уже привык слушать мои байки с открытым ртом (и открытой пастью — потому что он одновременно жевал сухарь), замер.

— Это вы про того самого Борю? Про вашего ефрейтора?

— Про него, про него, — вздохнул я. — Барсук Боря. Сапёр от бога. Вернее, от бога — если бы бог был немножко пьян и любил взрывать всё, что не двигается. А если двигается — то вдвойне.

Я сел поудобнее, потёр лапой нос и начал.

Было это в середине лета. Мы уже отвоевали дуб у вороны Кассиопеи, подружились с ежом Барбекю и мышью Зиной, а потому фронт у нас уже был относительно спокойным. Относительно — потому что настоящий солдат никогда не бывает спокоен. Он бывает только «готов к бою» и «очень

готов к бою».

В один прекрасный солнечный день к нам в штаб пришёл связной. Это был молодой нахальный воробей по кличке Чирик-динамит. Если вы думаете, что воробьи не служат в разведке — вы глубоко ошибаетесь. Чирик мог за пять минут облететь весь пустырь, подсмотреть всё, что происходит, и вернуться с новостями, половина из которых была правдой, а половина — вражеской дезинформацией. Но мы его за это и любили.

— Мурзик! Мурзик! — зачирикал он, приземляясь мне на голову. — Беда! Срочно! За гаражом № 9 минное поле!

— Какое ещё поле? — Я сбросил воробья с головы (не больно, но принципиально — голова командира не для посадок).

— Клубничное! — Чирик затряс крыльями. — Там клубника! Красная! Спелая! А вокруг неё — ловушки!

Я напрягся. Клубника — это серьёзно. Консервная банка — это враг номер два. А клубника — это враг номер один. Потому что клубника вызывает жадность. Жадность вызывает драки. Драки вызывают раненые хвосты и обиды. А обиды — это трещина в нашем зверином братстве.

— Зови Борю, — скомандовал я.

Барсук Боря пришёл не сразу. Он копал нору под старым деревом и сначала не расслышал. Потом расслышал, но задумался: взять с собой лопату или не брать. Взял. Хотя лопата ему была не нужна — у него были лапы как ковши экска-

ватора. Потом он взял верёвку. Потом — зачем-то ромашку, которую нашёл по дороге. Потом споткнулся о свой хвост. Потом встал.

— Мурзик, — сказал он серьёзно. — Там реально мины?

— Не мины, Боря, ловушки. Для зверей, которые захотят клубнику съесть.

— А кто ловушки поставил?

— Дети.

Боря побледнел. Да, барсуки умеют бледнеть. Особенно когда речь идёт о детях. Потому что дети — это самые страшные минеры на свете. Они не думают о том, кто наступит. Они думают о том, как смешнее всё это соорудить.

Поле с клубникой находилось за гаражом № 9. Раньше там был огород. Потом огород забросили. А потом дети решили, что будет весело посадить клубнику и вокруг неё наставить ловушек. И они наставили.

Мы с Борей подошли к полю. Я лёг на живот и пополз вперёд. Боря за мной. Хвосты поджали. Уши прижали. Глаза — как у загипнотизированных сов.

— Первая ловушка, — прошептал я.

Передо мной лежала леска. Тонкая, прозрачная, натянутая между двух палок. Если зацепить — сверху упадёт ведро.

— Подумаешь, ведро, — фыркнул Боря. — Я однажды на себе носил три ведра с картошкой. Ну упадёт, ну погремит. Не страшно.

— Боря, — терпеливо объяснил я. — Ведро — это звук.

Звук привлекает собак. Собаки — это шум. Шум привлекает людей. Люди — это большая опасность. Не всё измеряется тяжестью, понял? Есть вещи, которые легче ведра, но взрываются громче.

— Понял, — кивнул Боря. — А можно я эту леску... перегрызу?

— Сапёры не грызут, Боря. Сапёры разминируют. Аккуратно, лапами.

Я подлез под леску. Боря за мной. Но Боря больше меня. И когда он пролезал, его пузо зацепило палку. Леска натянулась.

— Замри! — зашипел я.

Боря замер. Его глаза стали размером с мой хвост.

— Ты сейчас, — прошептал я, — аккуратно, на раз-два-три, опускаешь пузо на землю. Не дёргайся.

— А если дёрнусь?

— Тогда мы с тобой будем самыми громкими барсуками и котами в этом районе. А может, и в соседнем тоже.

Боря опустил пузо. Леска чуть ослабла, но не лопнула. Я вздохнул.

— Хорошо. Теперь второе. Впереди — яма. Сверху прикрыта листом.

— Какая яма? — спросил Боря.

— Обычная. Немного глубокая. Внутри — вода.

— А зачем вода?

— Чтобы пойманный зверь намочил лапы и не мог быстро

убежать. А пока он сушится — его накроют сеткой.

— Сеткой?!

— Тихо! Не ори! Сетка — это финальная ловушка. Если мы пройдем яму и ведро и леску, будет сетка. Детская тактика. Они же не военные. У них всё по шаблону. Леска — ведро — яма — сетка.

Боря почесал за ухом.

— А может, ну её, эту клубнику? Пойдем лучше консервы поищем?

— Боря, — я повернулся к нему. — Мы десантники. Мы не отступаем перед клубникой. Мы даже перед вражеской сгущенкой не отступаем. А тут — ягода. Своя, законная, выросшая на ничейной земле. Мы должны её взять.

— Для штаба?

— Для штаба, — подтвердил я. — И лично для моего завтрака. Но в основном для штаба.

Мы двинулись дальше. Яма была обойдена по краю — Боря перешагнул, а я перепрыгнул. Ведро мы обошли слева. Сетка лежала в траве — я заметил её по металлическим кольцам, которые блестели на солнце. Аккуратно придавил её лапой, чтобы не сработал механизм.

И вот мы у клубники. Шесть кустов. Ягоды красные, крупные, пахнут так, что у меня слюнки потекли на усы. Боря тоже сглотнул.

— Мурзик, а можно я одну? Одну? Маленькую?

— Боря, мы на задании. Сначала сбор урожая, потом де-

густация.

Я начал аккуратно срывать ягоды лапой. Боря — зубами. Мы действовали быстро, тихо и без паники. Потому что знали: обратный путь будет ещё сложнее. Ловушки-то остались на месте.

И тут Боря сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь.

— А что если... обратно не по полю идти? А через забор?

Я замер. Забор был старый, деревянный, с дырами. До него — три метра открытой местности. Но если быстро — можно успеть.

— Сапёрное чутьё? — спросил я.

— Не знаю, — честно признался Боря. — Просто... ну его, это поле. Я один раз уже леску зацепил. Второй раз могу не вывезти.

И мы пошли через забор. Перебрались. Без потерь. С ягодами. С чувством выполненного долга.

— Так, — сказал Рыжик, доедая сухарь. — А где тут разминирование? Вы же просто обошли ловушки и ушли.

— А вот и нет, — наставительно сказал я. — Мы их не обошли. Мы их разминировали. Потому что когда мы вернулись на следующий день с ежом Барбекю, мы все ямы засыпали, все лески убрали, все вёдра отнесли к помойке, а сетку смотали и отдали мышке Зине — она из неё гамак сделала.

— И клубнику съели?

— И клубнику съели. Всю. С боем. Потому что на чет-

верть ягоды мы поссорились с Борей, кто больше съел, потом помирились, потом поделили остатки по справедливости — ему больше, потому что он больше ростом, мне вкуснее, потому что я командир.

— А что Боря говорил про мину? Вы же говорили «Барсук-сапёр», а про мину ничего не было.

Я улыбнулся.

— Мина была внутри Бори. В его голове. Он думал, что клубника заминирована так, что нельзя подойти. А оказалось — можно, если думать. И ещё — если рядом есть кот, который сказал: «Боря, не ссы, я с тобой». Вот и вся наука.

— А вы бы пошли через поле, если бы он не предложил забор?

Я задумался.

— Пошёл бы. Но обратно — уже нет. Потому что вторую леску я бы точно не заметил. А Боря — заметил. Он же барсук. У него нюх на опасность. Просто иногда этот нюх отключается, потому что хочется ромашку понюхать или ведро на себе протащить.

— Он странный, — сказал Рыжик.

— Он не странный, — ответил я. — Он — барсук. А барсуки все немного сапёры. Потому что каждый день копают землю и не знают, что там, под землёй, — клад или какашка. И это и есть наша жизнь. Не знаешь, что под лапой. Но ты всё равно копаешь. Потому что ты — солдат. А солдаты не спрашивают «что там?». Они спрашивают «куда копать?».

Рыжик свернулся клубочком у моей лапы.

— А клубника была вкусная?

— Была, — вздохнул я. — Особенно та, которую я съел тайком от Бори, пока он спал. Но ты это не записывай. Это секретная информация.

— Никому не скажу, — пообещал Рыжик.

А я посмотрел на небо. Там, за гаражами, садилось солнце. А где-то под землёй сидел Барсук Боря и, наверное, снова копал. Или уже спал. Или думал, какую бы ещё ромашку сорвать. И мне вдруг стало тепло. Потому что даже у самого нелепого сапёра есть одна суперсила: он никогда не бросает друга на минном поле. Даже если мин там нет. Даже если поля нет. Даже если друг сам — мина. Он просто идёт рядом и копает.

Глава 4. Генерал Хомяк Хрум — штабной стратег, который боялся муравьёв

— А теперь, салага, — я важно расправил усы, — я расскажу тебе про самого храброго труса из всех, кого я знал. Про генерала Хомяка Хрума.

Рыжик перестал чесать лапой за ухом и вытаращил глаза.

— Хомяк? Генерал? Но хомяки же маленькие и пухлые. Они в норках сидят и зёрнышки жуют.

— А вот и нет, — возразил я. — Бывают хомяки, которые командуют армиями. Бывают коты, которые спят на диване и никому не нужны. И бывают мыши, которые строят бункеры из спичечных коробков. Война — она не по размеру, она по духу. Запомни это раз и навсегда.

Хрум появился в нашем отряде при совершенно дурацких обстоятельствах. Мы тогда держали оборону возле трансформаторной будки. Место было стратегическое: тёплое, сухое, рядом помойка, а с другой стороны — труба, по которой можно было уйти в подземелье к кроту Шурше. Идеальный штаб. Мы уже повесили табличку «Посторонним вход воспрещён. Кусаются десантники, а также барсуки с похмелья».

И вот однажды утром я выхожу на обход — и вижу: у входа в штаб сидит... шарик. Коричневый, пухлый, с маленьки-

ми ушками и огромными щеками. Сидит и трясётся. Глаза закрыты. Лапки сложены как у молящегося.

— Ты кто? — спрашиваю.

— Я... я... Хрум, — пискнул шарик. — Хомяк. Меня... выгнали. Из норы. Муравьи пришли.

— Муравьи?

— Большие. Чёрные. Много. Они... у них лапки... и...

— Хрум вдруг зарыдал так громко, что с трансформатора слетела ворона.

Я, признаться, растерялся. Крики, вопли, военные действия — это я понимал. Но чтобы здоровый хомяк плакал из-за каких-то муравьёв? Это было выше моей боевой подготовки.

— Так, — сказал я строго. — Прекратить истерику. Ты кто — боец или мокрая тряпка?

— Боец, — всхлипнул Хрум. — Я бы хотел. Но у меня лапки тонкие и я боюсь букашек.

— Дверь штаба видишь?

— Вижу.

— Заходи. Будешь у нас стратегом. Стратегам букашки не страшны, потому что они сидят на карте и водят лапкой.

— А если букашка заползёт на карту?

— Тогда мы её сдуем, — пообещал я. — Вместе. Всем отрядом.

Хрум зашёл. И началось. Честно скажу: лучше бы он остался под дверью. Потому что хомяк оказался... как бы

это помягче... чокнутым гением. Он расстелил на земле лист лопуха, взял уголёк и начал рисовать карту. И нарисовал такое, что я чуть не выпал из шкуры. Там были все гаражи, все помойки, все трубы, все кусты, все кочки, все лужи. С точностью до сантиметра. Я потом проверил — он ни разу не ошибся. Оказывается, Хрум до муравьёв был топографом. Он два года ползал по пустырю, измерял всё своим хомячьим шагом и зарисовывал.

— Вот здесь, — ткнул он лапкой в кучу мусора, — спрятана консервная банка с испанскими шпротами. Я её нюхал во время рекогносцировки.

— С какими? С испанскими? — облизнулся Барсук Боря.

— С испанскими. Они красные, в масле. Но до них нельзя добраться.

— Это почему? — спросил я.

— Потому что вокруг банки — вражеская территория. Королевство крысы Люции. Семь бойцов, включая самого короля. Они едят всё, что находят, и никого не подпускают.

— Берём банку штурмом! — заявил ёж Барбекю, выкатываясь из-под куста. — Я — иголками вперед! Они наколются, расстроятся и убегут!

— Глупость, — сказал Хрум. Он уже немного успокоился и даже стал важно надувать щёки. — Штурм приведёт к потерям. Крысы маленькие и злые. Они будут кусать за лапы. А у тебя, Барбекю, иголки сверху, а снизу пузо нежное. Один укус — и ты будешь ползать не вперёд, а вбок. Нет, нужен

план.

Тут я впервые посмотрел на Хрума не как на трясущегося комка шерсти, а как на военного. Потому что, когда он говорил «план», его щёки перестали трястись, глаза стали холодными, а голос — низким и уверенным.

— Какой план? — спросил я.

— Отвлекающий манёвр, — сказал Хрум. — Крот Шурша прорывает туннель из-под земли прямо к банке. В это время ты, Мурзик, имитируешь атаку с воздуха — прыгаешь с забора и орёшь так громко, что крысы выбегают посмотреть. Барсук Боря в это время копает вторую нору — ложную, чтобы отвлечь королевскую гвардию. А ёж Барбекю с мышью Зиной ждут у выхода и забирают банку.

— А ты? — спросил Боря.

— А я сижу здесь, — сказал Хрум. — И боюсь муравьёв. Потому что на это я годен.

Мы выполнили план. В точности. Всё прошло как по маслу. Шурша прокопал туннель за два часа. Я заорал с забора так, что у соседней собаки уши завяли. Боря вырыл ложную нору и сам в ней застрял (это не входило в план, но отвлекло крыс даже лучше, чем мы думали). Барбекю и Зина вытащили банку.

Вечером мы сидели все вместе и ели испанские шпроты. Шпроты были величиной с мою лапу, оранжевые, и пахли так, что я до сих пор вспоминаю этот запах с дрожью в хвосте.

— Хрум, — сказал я, жуя шпроту. — Ты гений. Как ты всё это придумал?

— Легко, — сказал хомяк, осторожно откусывая от рыбки крошечный кусочек. — Я рисую карту. На карте всё просто. Берёшь врага, сворачиваешь в трубочку, раскладываешь по точкам. Муравьёв на карте нет. А крыс — есть. С муравьями я не могу. А с крысами — могу.

— Почему?

Хрум замолчал. Отложил шпроту. Посмотрел куда-то вдаль.

— Потому что муравьи — маленькие. Их много. Они лезут со всех сторон. От них не убежишь, их не обманешь, их не перекричишь. Они — как моя трусость. Как только я вижу муравья — я вижу себя. Маленького, слабого, который лезет туда, где его раздавят.

Мы молчали. Даже Боря перестал чавкать.

— А крысы, — продолжал Хрум, — они крупные. Их мало. С ними можно договориться. Их можно обойти. Или даже победить. А муравьёв — нельзя.

Я пододвинул лапой к Хруму самую жирную шпроту.

— Ешь, генерал, — сказал я. — Ты заслужил. А завтра, если хочешь, пойдём посмотреть на муравейник. С другого конца пустыря. Издалека. Я с тобой.

— Зачем? — удивился Хрум.

— Затем, что даже генералы иногда должны смотреть в глаза своему страху. Не в упор, а с безопасного расстояния.

Чтобы знать: враг — он не только снаружи. Он и внутри. Но если ты знаешь, что враг внутри — ты уже на полпути к победе.

Мы так и сделали. На следующий день стояли в кустах и смотрели на муравейник. Хрум дрожал, но не убегал. Я сидел рядом, положил ему лапу на спину и молчал.

Через неделю хомяк уже мог пройти в пяти метрах от муравейника. Через две — рядом. Через месяц — он топнул лапой по земле у самой муравьиной тропы. Муравьи разбежались. А Хрум... Хрум заплакал. Но в этот раз — от радости.

— Так, — сказал Рыжик. — А что с ним потом стало?

— А потом он стал нашим главным стратегом, — ответил я. — Мы выиграли три битвы за помойку, две засады у водосточной трубы и одну войну с блохами. Везде был план Хрума.

— А муравьёв он так и боялся?

— Нет, — улыбнулся я. — Муравьёв он перестал бояться. Но уважать — не перестал. Потому что настоящий стратег знает: иногда самый маленький враг — самый опасный. Особенно если этот враг — твой собственный страх.

— И он стал настоящим генералом?

— Он и был настоящим генералом. Просто в очень маленьком тельце. Как и все герои, Рыжик. Герои не бывают большими. Герои бывают теми, кто не боится признать, что боится.

Я зевнул и свернулся клубочком.

— Ладно, на сегодня хватит. Завтра расскажу, как мы брали штаб врага с помощью одной валерьянки и трёх насекомых. А сейчас — спи. И пусть тебе снятся хомяки-генералы. И муравьи, которые убегают.

— А вы правда их победили? — спросил Рыжик сонно.

— Кого, муравьёв? Нет, Рыжик. Муравьёв победить нельзя. Но можно победить свой страх перед ними. И это — самая большая победа на этой войне. А теперь — марш спать!

Глава 5. Белка-снайперка

Зина: попадание с двухсот метров грецким орехом

— Сегодня, салага, — я загадочно прищурился и понизил голос до шёпота, — я расскажу тебе про оружие массового поражения. Нет, не про валерьянку. И не про мой фирменный удар хвостом. Я расскажу про белку.

Рыжик, который дремал на старом половике, тут же открыл глаза.

— Белка? Они же орехи собирают и прыгают по веткам. Какое из них оружие?

— Орехи как раз и есть оружие, — назидательно сказал я. — Если эти орехи кидает белка Зина. С двухсот метров. Тебе в голову. Попробуй потом почесать ухо, когда в нём застряла скорлупа.

Это была история о том, как мы чуть не проиграли войну из-за одной пушистой хвостатой диверсантки. И о том, как потом она стала нашим самым страшным союзником.

Всё началось с яблока. Не простого яблока, а дикого. Кислого. Маленького. Которое росло на яблоне за бетонным забором. Яблоко это было стратегическим объектом номер один на протяжении трёх недель. Потому что под той яблоней проходила граница нашей территории и территории

Враждебного Лесополосного Союза — банды белок, возглавляемых таинственным лидером по прозвищу Пушистый Ужас.

Мы тогда только-только развели, что за забором кто-то есть. Барсук Боря, который рыл траншею для усиления обороны, наткнулся на подземный ход.

— Там кто-то живёт, — сказал он, отряхивая землю с усов. — Я слышал цоканье.

— Мыши? — спросил я.

— Нет. Кто-то прыгает. И ругается. На своём, на ...

— Может, просто ветки стучат? — предположил ёж Барбекю.

— Ветки не говорят «ой, ну где этот орех, я его вчера туда положила», — обиделся Боря. — Я, между прочим, разведчик неплохой.

— Ты — сапёр, — напомнил я.

— Сапёр с разведческими наклонностями, — парировал Боря.

Спор прервал звон. Металлический, короткий, резкий. Бум! И что-то просвистело над моим ухом.

— Ложись! — заорал я и прижался к земле.

Рядом что-то щёлкнуло по шиферу. Я поднял голову. Рядом с моей лапой лежал... грецкий орех. Расколотый пополам. С ядром, которое издевательски торчало наружу.

— Это что? — спросил Барбекю, трясаясь.

— Это предупреждение, — сказал я мрачно. — Снайпер.

Беличий.

— Откуда ты знаешь, что беличий?

— Потому что мыши не умеют кидать орехи на двести метров, а птицы не умеют целиться так точно. Смотри.

Я показал на забор. Там, на самой высокой точке, сидела... белка. Рыжая. Пушистая. С хвостом как оперение ракеты. И в лапах у неё был... ещё один орех. Грецкий. Крупный.

Она прищурилась. Прицелилась. И кинула. Орех пролетел над пустырем. Я чётко видел его траекторию: идеальная дуга, вращение вокруг оси, попадание в цель. Целью была консервная банка, стоявшая на бревне. Орех попал прямо в этикетку. Банка упала. Белка на заборе довольно цокнула.

— Она издевается, — прошептал Боря.

— Она тренируется, — поправил я. — И готовится к войне.

Мы объявили сбор штаба. Пришли все: Хомяк Хрум (на всякий случай надевший каску из половинки теннисного мячика), мышь Зина, крот Шурша (который сначала упирался, что ему не хочется, потом приполз), Барбекю и Боря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.